

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Разваляева Анна Юрьевна

**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИНТУИЦИЯ КАК
ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история
психологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре общей психологии факультета психологии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»

Научный руководитель: **Корнилова Татьяна Васильевна** – доктор
психологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: **Знаков Виктор Владимирович** – доктор
психологических наук, профессор; главный
научный сотрудник ФГБУН Институт психологии
РАН;

Величковский Борис Борисович – доктор
психологических наук, доцент; доцент кафедры
методологии психологии ФГБОУ ВО «МГУ
имени М.В.Ломоносова»;

Подьяков Александр Николаевич – доктор
психологических наук, профессор; профессор
департамента психологии, ФГАОУ ВО НИУ
ВШЭ.

Защита состоится 06 октября 2021 г. в 13.00 на заседании диссертационного
совета МГУ.19.04 в ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова» по адресу: 125009, Москва, ул. Моховая, дом 11,
строение 9, аудитория 215.

E-mail: us@psy.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной
библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский просп.,
д. 27); на сайте ИАС «ИСТИНА» (<https://istina.msu.ru/dissertations/368761951/>);
на сайте Научно-консультативного совета РАО и РПО (<http://psy-science-council.ru/dissertaions/>)

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.19.04,
кандидат психологических наук

Р.С. Шилко

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Рациональность и интуиция – многогранные понятия, выступающие и философскими категориями, и конструктами, отражающими компоненты психологической регуляции мышления, креативности, социального интеллекта личности. Особая их значимость заключается в объединении в рамках общего понятийного поля эмоционально-личностных и когнитивно-интеллектуальных аспектов принятия решений (ПР) человеком. Развиваемая в отечественной психологии идея единства интеллекта и аффекта Л.С. Выготского (Выготский, 1983), представленная в смысловой теории регуляции мышления О.К. Тихомирова и в подходе Т.В. Корниловой к выявлению динамических регулятивных систем ПР (Корнилова, 2006, 2016а), предполагает комплексный анализ роли субъективной рациональности и интуиции как личностных и индивидуально-стилевых факторов. Историко-эволюционный подход (Асмолов и др., 2017) позволяет рассматривать эти свойства как включенные в актуалгенез преадаптационных процессов, отражаемых в «предрешениях» при принятии решений в условиях неопределенности (Козелецкий, 1979) и прогностической активности личности (Брунер, 1977; Брушлинский, 1979; Смирнов, 1985; и др.). Эти свойства и процессы объединяются в динамические регулятивные системы, опосредствующие множественную индивидуально-стилевую и личностную регуляцию принятия решений, и представляющие гибкие флуктуирующие иерархии, где на ведущий уровень могут выходить разные свойства интеллектуально-личностного потенциала (Корнилова, 2013б, 2016а; Психология саморегуляции..., 2011).

Современные исследования рациональности и интуиции при ПР базируются на противопоставлении этих свойств в рамках выделения двух систем психологической регуляции (Канеман, 2006, 2014; Stanovich, West, 2010; Epstein, 1991, 2003; Norris, Epstein, 2011). При этом рациональность, связываемая с логическим рассуждением и целевыми структурами, оказывается недостаточно исследованной как индивидуально-стилевая характеристика принятия решений. Интуиция также понимается неоднозначно: как неосознаваемое становление и использование невербализованных

профессионально-специфичных норм («тактичное знание», Стернберг и др., 2002), так и как свойство, связанное с предвосхищением, преднастройкой, вероятностным прогнозированием (Фейгенберг, Иванников, 1978; Степаносова, 2003; Асмолов и др., 2017). С интуицией и явлениями «нарушенной» рациональности могут связываться интеллектуальные и эмоциональные предвосхищения, процессы выдвижения гипотез в мышлении, а также эвристики, рассматриваемые в качестве первоначально эксплицитных, а потом свернутых интериоризованных правил ПР (Gigerenzer, 2008; Brighton, Gigerenzer, 2012; и др.). Однако интуиция и рациональность при ПР могут и не противопоставляться друг другу, а гибко взаимодействовать в условиях преодоления неопределенности (Степаносова, Корнилова, 2006).

Принятие решений опосредуется процессами, продуктивность которых отражается в новообразованиях – субъективных приобретениях, с которыми человек выходит из ситуации решения (Корнилова, Тихомиров, 1990). Их можно рассматривать в становлении гипотез, целей, эмоциональных предвосхищений (Тихомиров, 1969, 2007; Васильев и др., 1980), стратегий (Корнилова, 1985; Измалкова, Блинникова, 2017; и др.) или рефлексивном отношении к своей деятельности (Карпов, 2013).

В современных исследованиях ПР все большую актуальность приобретает принцип неопределенности. Неопределенность является условием существования современного человека, выступая как стимул развития живых систем (Асмолов, 2015; Асмолов и др., 2017) и как условие личностного выбора (Корнилова, 2003, 2016б; Чумакова, 2010; Леонтьев Д.А., 2014а, 2014б; и др.). Конструктивная, побуждающая к развитию функция неопределенности связана с принятием неопределенности как вызова, преодолеваемого на основе интеллектуально-личностного потенциала человека (Корнилова и др., 2010; Корнилова, 2013б, 2016б). Отказ от ее преодоления – интолерантность к неопределенности – приводит к когнитивным и личностным нарушениям (Brothers, 2008; Соколова Е.Т., 2014; и др.).

Таким образом, перед исследователями встает двойная задача: 1) выявить связи между принятием и преодолением неопределенности в прогностической активности, проявляющейся при решении задач, с личностными и

индивидуально-стилевыми свойствами, опосредующими решения в условиях неопределенности; 2) выявить специфику когнитивной и личностной регуляции, возможные различия их вклада в динамику ПР. С этой точки зрения может представлять интерес противопоставление когнитивного контроля и рабочей памяти как когнитивной системы, отвечающей за переработку информации (Величковский, 2015), и эмоциональных, «интуитивных» систем регуляции, согласно гипотезе соматических маркеров А. Дамасио (Bechara et al., 1994).

В данном исследовании используется понятие стилей, имеющее и широкую трактовку как индивидуальные системы саморегуляции (Соколова Е.Т., 2011) или стили деятельности (Климов, 1969); и узкую – как когнитивные стили (Корнилова, Парамей, 1989; Холодная, 2004; Волкова, Гусев, 2016). Это понятие применяется в рамках индивидуально-стилевых характеристик когнитивной и личностной регуляции ПР. Наряду с рациональным и интуитивным стилями, по глубине поиска и анализу альтернатив выделяются еще три стиля ПР: максимизация, при которой решение принимается только после истощения всех возможных альтернатив; сатисфизация, при которой решение принимается по определенным критериям, что позволяет экономить усилия; и минимизация, при которой решение принимается как можно быстрее, без приложения усилий (Schwartz et al., 2002; Misuraca et al., 2015a).

В качестве актуальных целей выступает проверка гипотез о вкладе в построение прогнозов при ПР компонентов рациональности (представленной на уровне самосознания личности, а также как стиля ПР и как характеристики стратегий выбора) и интуиции (как стиля ПР и характеристик стратегий выбора), проявляемых при разных типах прогностических задач.

Основная **цель** исследования – выявить вклад рациональности и интуиции как личностных и индивидуально-стилевых факторов принятия решений и связанных с ними компонентов интеллектуально-личностного потенциала (готовность к риску, толерантность к неопределенности) в решение

прогностических задач разного типа, моделирующих условия неопределенности.

Объект исследования: рациональные и интуитивные компоненты регуляции принятия решения в условиях неопределенности.

Предмет исследования: связи субъективной рациональности, рационально-аналитического и интуитивно-опытного стилей принятия решений с компонентами интеллектуально-личностного потенциала (интеллектом, готовностью к риску, толерантностью к неопределенности, рефлексивностью, копингами) и особенностями решения прогностических задач (стратегиями выборов в конкретных задачах).

Общие гипотезы исследования

1. Рациональность и интуиция в составе динамических регулятивных систем принятия решений взаимодействуют с другими интеллектуальными, стилевыми и личностными компонентами.

2. Рациональность и интуиция, наряду с личностными свойствами (рефлексивностью, «психологической разумностью») и готовностью к риску, включены в динамическую регуляцию принятия решений в прогностической задаче с множественным поэтапным выбором и опосредуют стратегии ее решения.

3. Рациональность, интуиция и связанные с ними личностные и стилевые характеристики вносят вклад в ориентировку на вероятности (предпочтение вероятностных ответов), стоящую за принятием решений в прогностических задачах с единичным и множественным поэтапным выбором.

Частные гипотезы

1. Рационально-аналитический и интуитивно-опытный стили принятия решения включены в систему связей с интеллектом личности, принимающей решения, ее свойствами (выраженными в чертах Большой пятерки), рефлексивностью, толерантностью к неопределенности и субъективной рациональностью, понимаемой как направленность на максимальную информированность при принятии решений; связи могут быть общими для обоих стилей или могут носить противоположный характер.

2. Рационально-аналитический и интуитивно-опытный стили положительно коррелируют с «сатисфизацией» (как эвристическим стилем принятия решений) и «максимизацией» (стилем, предполагающим приложение усилий и полный перебор альтернатив) и отрицательно – с «минимизацией» (стилем, при котором решение принимается с минимальными усилиями).

3. Субъективная рациональность и интуитивно-опытный стиль связаны со стратегиями выполнения многоэтапной прогностической задачи, что представлено изменением эффективности и частоты смены выборов.

4. Интуитивно-опытный стиль и личностные свойства «готовность к риску» и «интолерантность к неопределенности» выступают предикторами предпочтения вероятностных альтернатив и подверженности эффекту фрейминга – как характеристикам принятия решений в задаче с единичным выбором.

Задачи исследования

1. Установить связи рационально-аналитического и интуитивно-опытного стилей с интеллектом, личностными чертами и стилями принятия решений – «максимизации», «сатисфизации» и «минимизации».

2. Выявить вклад рационально-аналитического и интуитивно-опытного стилей принятия решений, субъективной рациональности и готовности к риску в стратегии принятия многоэтапных решений в прогностической задаче (Игровой задаче Айова).

3. Выявить роль субъективной рациональности, рационально-аналитического и интуитивно-опытного стилей как предикторов выбора вероятностных альтернатив в задаче с единичным выбором («Эпидемия на корабле»).

4. Уточнить влияние подверженности фрейминг-эффекту на продуктивность выборов (в Игровой задаче Айова).

5. Провести русскоязычную адаптацию опросников, направленных на диагностику стилей принятия решений: опросник С. Эпстайна «Рациональный – Опытный» и Р. Мисурака «Тенденции в принятии решений».

Методологические основания исследования

Работа выполнена в методологических рамках принципов неопределенности и активности в психологии (Асмолов, 2015; Корнилова, Смирнов, 2017) с опорой на концепцию единства интеллекта и аффекта (Выготский, 1983), смысловую теорию мышления, согласно которой предполагается личностная и интеллектуальная регуляция актуалгенеза новообразований в мыслительной деятельности (Тихомиров, 1969); концепцию множественной многоуровневой регуляции решений и действий человека в условиях неопределенности (Корнилова, 2013б, 2016а); представления А.Н. Леонтьева (1983) об образе мира как интегративном образовании, стабилизирующем процессы принятия неопределенности (Смирнов, 2016; Смирнов и др., 2016) и отражающем индивидуальную представленность значений (Петренко, 2018).

Методы исследования

В исследовании сочетались экспериментальный, квазиэкспериментальный, психодиагностический и корреляционный подходы; применялись методы компонентного анализа стратегий и структурного моделирования.

Апробированы и адаптированы на русскоязычной выборке опросники С. Эпстайна «Рациональный – Опытный» и Р. Мисурака «Тенденции в принятии решений».

Использовались две прогностические задачи: 1) с единичным выбором – задача «Эпидемия на корабле» А. Тверски и Д. Канемана для оценки подверженности фрейминг-эффекту и предпочтений вероятностных или детерминистских альтернатив; 2) компьютеризованная задача с многоэтапным выбором – Игровая задача Айова в русскоязычной адаптации (Iowa Gambling Task; Grasman, Wagenmakers, 2005).

Методики, измеряющие личностные свойства и стили ПР. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010); Личностные факторы принятия решений – ЛФР (Корнилова, 2003); опросник С. Баднера (Корнилова, Чумакова, 2014); Мельбурнский опросник принятия решений (Корнилова, 2013а); Шкалы психологической разумности Х. Конте с соавторами (Новикова, Корнилова, 2014); опросник

рефлексивности А.В. Карпова (Карпов, 2003); Краткий опросник Большой пятерки – КОБП (TIPI) (Корнилова, Чумакова, 2016).

Методики, измеряющие когнитивные компоненты ПР. Использовались субтесты вербального и невербального интеллекта из тестовой батареи измерения интеллекта – ROADS (Корнилов, Григоренко, 2010) и компьютеризированная задача n-back для измерения характеристик рабочей памяти (Kane et al., 2007; Mathôt, et al., 2012).

При обработке данных использовались программа SPSS ver. 20 и язык R ver. 3.3.3 (для обработки сырых данных компьютерных методик, описательных статистик, корреляционного, регрессионного и дисперсионного анализа). Для конфирматорного факторного анализа использовалась программа EQS 6.2.

Научная новизна

Впервые выделена связь субъективной рациональности как свойства личностной саморегуляции, как стиля принятия решений и как характеристики стратегий в осуществлении многоэтапных выборов. Тем самым обосновано понимание рациональности как многоуровневой характеристики, опосредствованной разными процессами.

Впервые на русскоязычной выборке операционализированы стили принятия решений – максимизация, сатисфизация и минимизация. Их связи с рационально-аналитическим и интуитивно-опытным стилями показывают близость максимизации и сатисфизации адаптивным копингам (бдительности) и рациональности как личностной переменной и как стилю принятия решений.

Продемонстрированы различия личностных и стилевых характеристик лиц, в разной степени подверженных эффекту фрейминга при решении прогностической задачи. Лица, подверженные эффекту фрейминга, характеризуются более продуктивным копингом «бдительность»; предиктором их выборов выступает меньшая склонность к использованию интуитивно-опытного стиля. Те же, кто предпочитает вероятностные альтернативы (в противовес детерминистским), более склонны к использованию сатисфизации при принятии решений, более готовы рисковать, а также менее интолерантны к неопределенности.

Впервые рассмотрены взаимосвязи рабочей памяти с компонентами личностной регуляции стратегий принятия решений (на материале Игровой задачи Айова), что позволило установить динамику многоэтапных решений, изменяющуюся в зависимости от степени неопределенности. На первых этапах решения – при максимальной неопределенности – на первое место выступают компоненты рабочей памяти; на последующих этапах превалирующую роль играют именно личностные компоненты, связанные с эмоциональными предвосхищениями (заданные переменной *доступность субъективных переживаний*).

Впервые выделены три разновидности стратегий решения Игровой задачи: безопасная, рискованная и взвешенная. Безопасная (с наибольшим количеством успешных выборов) чаще осуществляется более рациональными лицами; рискованная – лицами с выраженным интуитивно-опытным стилем; взвешенная – более склонными к риску.

Впервые на русскоязычной выборке адаптированы два опросника: «Рациональный – Опытный» С. Эпстайна, измеряющий интуитивно-опытный и рационально-аналитический стили; «Тенденции в принятии решений» Р. Мисурака, измеряющий максимизацию, минимизацию и сатисфизацию – стили принятия решений, различающиеся по глубине анализа ситуации.

Теоретическая значимость

В исследовании обоснована необходимость дифференциации представлений о рациональности и интуиции как многоуровневых образований. Впервые субъективная рациональность различается: 1) как личностное свойство, 2) как индивидуально-стилевая характеристика регуляции решений и 3) как оценочная характеристика компонентов стратегий при решении прогностических задач в условиях неопределенности; интуиция выступает как индивидуально-стилевое свойство и характеристика компонентов стратегий принятия решений. В работе демонстрируется не противопоставление интуиции и рациональности, а необходимость выявления их связей с интеллектуально-личностным потенциалом человека и предпочитаемыми стратегиями принятия решений.

Анализ выявленных связей, различающихся для двух типов прогностических задач на принятие решений, позволил внести вклад в развитие концепции множественной многоуровневой регуляции принятия решений и конкретизировать идею единства интеллекта и аффекта. Полученные результаты свидетельствуют о множественной личностной регуляции принятия решений: со стороны когнитивных способностей, личностных и индивидуально-стилевых свойств субъекта ПР и ситуационных факторов.

Практическая значимость

Полученные данные о психологической регуляции стратегий ПР могут использоваться в широком диапазоне задач при обучении и отборе лиц, в профессиональной деятельности которых выраженную роль играют этапы принятия решений в условиях неопределенности и риска.

Адаптированный опросник С. Эпстайна «Рациональный – Опытный» (Pacini, Epstein, 1999) может применяться для диагностики рациональности и интуиции как стилей принятия решений, интегрированных в рамках интеллектуально-личностного потенциала человека; опросник Р. Мисурака «Тенденции в принятии решений» (Misuraca et al., 2015a) – для выявления трех стилевых характеристик прилагаемых для ПР усилий – максимизации, минимизации и сатисфизации. Оба опросника расширяют арсенал психодиагностических методик, направленных на выявление факторов личностно-стилевой регуляции ПР, что предполагает широкие возможности их применения в управленческой и образовательной среде, при решении задач профотбора и психологического сопровождения лиц, принимающих решения в своей деятельности. Опросники могут быть использованы также в практике психологического консультирования.

Материалы исследования используются в спецкурсе «Психология неопределенности, принятия решений и риска» на факультете психологии МГУ имени М.В.Ломоносова.

Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов обеспечиваются всесторонним теоретическим анализом исследуемой проблемы, методологически обоснованной программой исследования и использованием методов и методик, релевантных предмету и задачам

исследования. Статистическая достоверность обеспечивается величиной выборки (всего 905 испытуемых) и использованием современных адекватных задаче статистических методов обработки и анализа данных.

Положения, выносимые на защиту

1. Психологические конструкты *интуиция* и *рациональность* отражают разноуровневые – личностные, индивидуально-стилевые и стратегические аспекты регуляции принятия решений. *Рациональность*, диагностируемая как личностное свойство и рационально-аналитический стиль принятия решений, и *интуитивный стиль* принятия решений участвуют в регуляции предвосхищений при многоэтапных выборах в условиях неопределенности как корреляты и предикторы.

2. Свойства *рациональности* выступают центральными для интеграции других компонентов интеллектуально-личностного потенциала человека: они связаны как с *вербальным интеллектом*, так и с *принятием неопределенности и риска*, с *рефлексивностью* как психическим свойством, со стилевыми тенденциями принятия решений и чертами Большой пятерки (*открытостью опыту* и *добросовестностью*).

3. Индивидуально-стилевые характеристики принятия решений функционируют во взаимосвязи как с личностными свойствами, так и со стратегиями принятия решений, что проявляет специфику динамических регулятивных систем. В регулятивных системах принятия решений *интуитивный стиль* (как и рационально-аналитический) характеризует лиц, более *готовых к риску*, *открытых опыту* и предпочитающих *максимизацию усилий*. Однако у лиц с выраженным *интуитивным* стилем снижена *добросовестность*, более выражена черта *согласия*; им не свойственна стилевая тенденция *сатисфизации* при принятии решений (что противоречит традиции связывать интуицию с эвристичностью принятия решений).

4. Рациональность и интуиция по-разному регулируют принятие решений в прогностических задачах разного типа. *Рациональность* как личностное свойство, отражающее стремление к максимальному сбору информации, – предиктор предпочтения «безопасной» стратегии при *принятии многоэтапных*

решений, в то время как *интуитивный стиль* сопутствует предпочтению «рискованных» стратегий (но не выступает их предиктором). В задаче *на единственный выбор* именно *интуитивный стиль*, а не рациональность, снижает подверженность фреймингу. Тем самым проявляется влияние условий ситуационной неопределенности, различающихся при одноэтапном выборе и многоэтапных стратегиях принятия решений.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на заседании кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова (2021) и на всероссийских и международных научных конференциях: 32nd EFPSA Congress “Exploring Personality – Diversity & Individual Differences” (Cirkewwa, Malta, 2018); 15th European Congress of Psychology (Амстердам, Нидерланды, 2017); VII международная конференция по когнитивной науке (Светлогорск, 2016); VI международная конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» (Москва, 2015); XVI международные чтения памяти Л.С. Выготского (Москва, 2015).

Материалы исследования отражены в 6 публикациях автора, из них 4 статьи, все ВАК, 2 Scopus и 3 Web of Science.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и 6 приложений. Список литературы включает в себя 326 наименований, из них 149 на иностранных языках. В диссертации содержится 9 рисунков и 15 таблиц. Объем работы без учета приложений – 203 страницы.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования; приводятся его цель, объект, предмет и задачи, общие и частные гипотезы, методологические основания и методики; раскрываются достоверность и обоснованность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость; перечисляются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Подходы к исследованию рациональности и интуиции в психологии принятия решений» содержит четыре параграфа. В ней

приводится сопоставление разных направлений исследований рациональности и интуиции.

В первом параграфе «Представления о рациональности в непсихологических и психологических подходах» рассматриваются философские теории (в Античности и Новое Время – Платон, Аристотель, неоплатоники, представления рационалистов, И. Канта, интуитивизм А. Бергсона) и представления об общенаучной рациональности. Переход от философских представлений об интуиции и рациональности к психологическим описывается через призму первоначально непсихологических теорий принятия решений, выдвигавших постулаты полной рациональности и максимизации ожидаемой полезности, что впоследствии критикуется в психологических теориях ПР. Показан переход к понятию ограниченной рациональности, положенному в основание психологических подходов к принятию решений и экологической рациональности (Г. Гигеренцер, Г. Саймон и др.). Рассматриваются «двухпроцессные модели» мышления и умозаключения, противопоставляющие медленные аналитические и логические процессы, требующие приложения усилий, и быстрые интуитивные процессы, а также сопоставляются трактовки когнитивных искажений и эвристик при принятии решений.

Второй параграф «Представления об интуиции в непсихологических и психологических подходах» посвящен философским истокам понимания интуиции с выделением ее разных типов (чувственная и интеллектуальная, или рациональная, мистическая и иррациональная). Приводятся взгляды интуитивистов, феноменологов и психоаналитиков (А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Юнг) и их критика с позиций диалектики и когнитивной психологии (В.Ф. Асмус, Д.В. Ушаков, S. Epstein). Дается анализ сходства и различий интуиции с другими неосознаваемыми процессами (В.М. Аллахвердов, А.Г. Асмолов, В.Ф. Спиридонов, М.В. Фаликман). Далее интуиция рассматривается в рамках психологии познания: интуиция в исследованиях творчества и креативности, решения продуктивных задач (теории А.Я. Пономарева, О.К. Тихомирова и А.М. Матюшкина); интеллекта

(исследования инсайта, имплицитного знания, ага-переживаний) и профессиональных знаний (интуиция эксперта, «таситное» знание). Выделяются исследования, где интуитивные стратегии не противопоставляются рациональным решениям, а взаимодействуют, что приводит к более эффективному принятию решений (Степаносова, Корнилова, 2006; Чумакова, 2013; Eling et al., 2015; Julmi, 2019).

Третий параграф «Прогнозирование и антиципация как способы преодоления ситуации неопределенности» посвящен методологической и психологической проблеме неопределенности как современному принципу организации научного мышления (Корнилова, 2018), в рамках которого выполнена данная работа. Приводятся теоретические основания и обзор исследований характеристик ПР в задачах, связанных с неопределенностью. Выделяются разные уровни неопределенности в сопоставлении с риском, неоднозначностью и неуверенностью. Рассматриваются процессы принятия, учета и преодоления человеком неопределенности на уровне личностных свойств, отражаемых в *толерантности к неопределенности* и *готовности к риску*. Обсуждаются психологические походы к изучению прогнозирования и антиципации (А.В. Брушлинский, В.А. Иванников, В.В. Знаков, Б.Ф. Ломов, Л.А. Регуш, Е.А. Сергиенко, О.К. Тихомиров, И.М. Фейгенберг, и др.); прогнозирование связывается с контролем неопределенности со стороны образа мира (А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов), с процессами генерирования гипотез и концепциями, базирующимися на принципах активности и неопределенности. Разделяются стилевая и стратегиальная регуляция неопределенности. В рамках первой рассматриваются разные подходы к понятию «стиль» (А. Адлер, Е.П. Белинская, Т.О. Гордеева, Е.А. Климов, Т.Л. Крюкова, В.С. Мерлин, Е.Т. Соколова, М.А. Холодная); в рамках второй стили принятия решений сопоставляются с понятием стратегий (Д. Дернер, Т.В. Корнилова, А.Н. Поддьяков, И.Г. Скотникова, О.К. Тихомиров).

В четвертом параграфе «Современные исследования рациональности и интуиции как факторов выбора» дается классификация методик, с помощью которых операционализируются психологические переменные интуиции и

рациональности, предстоящие на разных уровнях – как личностные характеристики, как индивидуально-стилевые способы преодоления неопределенности и как свойства стратегий принятия решений: опросники, вербальные задачи, поведенческие и когнитивные методики, психофизиологические методы. Также приводится обзор исследований связей рациональности и интуиции как личностных и стилевых характеристик выбора с когнитивными функциями и личностными чертами, их поло-возрастной и профессиональной спецификой, особенностями их регулятивной роли на материале задач разного типа и содержания.

В выводах по первой главе формулируются общая проблема и цели, приводится план дальнейших эмпирических исследований. Выдвигаются гипотезы об уровневой представленности рациональности и интуиции – как личностных свойств и как стилевых характеристик ПР, возможности их совместной включенности в прогностическую активность, что обуславливает их связи с принятием неопределенности и риска.

Вторая глава «Апробация методик диагностики индивидуально-стилевых факторов принятия решений» содержит два параграфа. В ней приводятся результаты апробации двух методик, позволяющих диагностировать свойства рационально-аналитического и интуитивного стилей (опросник С. Эпстайна «Рациональный – Опытный») и тенденции в предпочитаемых стилях ПР – максимизацию, сатисфизацию и минимизацию («Тенденции в принятии решений» Р. Мисурака и коллег). Первый опросник базируется на когнитивно-экспериментальной теории личности С. Эпстайна; второй – на трудах Г. Саймона, а именно, принципе ограниченной рациональности, ведущем к применению сатисфизации при ПР. Необходимость адаптации этих методик обусловлена тем, что они позволяют диагностировать стили ПР по самоотчетам.

В первом параграфе «Исследование 1. Апробация опросника С. Эпстайна “Рациональный – Опытный”» приводятся теоретические основания выделения рационально-аналитического и интуитивно-опытного стилей, базирующиеся на двухпроцессных теориях умозаключения и принятия решений и когнитивно-

экспериментальной модели личности (Epstein et al., 1996; Epstein, 2003; Norris, Epstein, 2011).

Участниками исследования выступили 381 человек в возрасте от 17 до 53 лет, из них 335 студентов и 46 взрослых лиц разных специальностей; 99 мужчин ($M_{\text{возр.}} = 23,8$; $SD = 5,7$) и 282 женщины ($M_{\text{возр.}} = 22,2$; $SD = 5$).

Кроме апробируемого опросника, они заполняли Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010); Личностные факторы принятия решений – ЛФР (Корнилова, 2003); опросник определения индивидуальной меры развития рефлексивности (Карпов, 2003); Краткий опросник Большой пятерки – КОБТ (Корнилова, Чумакова, 2016); субтесты вербального и флюидного интеллекта из тестовой батареи ROADS (Корнилов, Григоренко, 2010).

Результаты исследования 1

1. С помощью конфирматорного факторного анализа подтверждена четырехфакторная структура опросника «Рациональный – Опытный» с выделением шкал использования интуиции, интуитивной способности, использования рациональности и способности к рациональным решениям. Конечная модель показала хорошие показатели пригодности: $SB\chi^2 = 1231,3$; $df = 716$; $p < 0,05$; $CFI = 0,088$; $RMSEA = 0,044$. Шкалы опросника продемонстрировали высокую внутреннюю надежность (все показатели α Кронбаха $> 0,8$).

2. Установлены различия по полу: женщины имеют значимо большие показатели использования интуиции; мужчины – способности к рациональным решениям (табл. 1).

3. Шкалы *рационально-аналитического стиля* положительно связаны с вербальным интеллектом, толерантностью к неопределенности, рефлексивностью и такими чертами Большой пятерки, как добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту (табл. 2).

Таблица 1.

Различия между мужчинами и женщинами по шкалам опросника Эпстайна

Шкалы опросника Эпстайна	М (SD)		Значимость различий по критерию U Манна-Уитни
	Мужчины	Женщины	
Использование интуиции	30,01 (6,58)	32,04 (6,24)	U=11253,5**
Интуитивные способности	33,31 (6,12)	33,55 (6,67)	U=13587,5 (ns)
Использование рациональности	35,06 (6,37)	34,32 (5,59)	U=12756,5 (ns)
Способности к рациональным решениям	34,32 (6,36)	31,88 (6,05)	U=10367,5***

Примечание: ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$, ns – незначимое различие.

4. Шкалы *интуитивно-опытного стиля* положительно связаны с готовностью к риску и отрицательно – с субъективной рациональностью (как направленностью на сбор информации), рефлексивностью и добросовестностью. С уровнем интеллекта шкалы, отражающие интуитивный стиль, не связаны (табл. 2).

Таблица 2.

Корреляции (ρ Спирмена) шкал опросника Эпстайна с переменными интеллектуально-личностного потенциала

Методики	Шкалы	Использование интуиции	Интуитивные способности	Использование рациональности	Способности к рациональным решениям
ЛФР	Готовность к риску	0,301**	0,361**	0,115	-0,031
	Рациональность	-0,314**	-0,163*	0,184*	0,340**
Рефлексивность		-0,262**	-0,221**	0,274***	0,332***
НТН	ТН	0,034	0,04	0,415***	0,033
	ИТН	0,057	0,177*	-0,08	0,052
	МИТН	-0,033	-0,043	0,032	-0,046
КОБП	Экстраверсия	0,097	0,115	-0,04	-0,085
	Согласие	0,147*	0,078	-0,06	-0,150*
	Добросовестность	-0,189**	0,005	0,156*	0,321**
	Эмоциональная стабильность	-0,084	-0,032	0,142*	0,216**
	Открытость опыту	0,139	0,177*	0,287***	0,173*
ROADS	Флюидный интеллект	0,028	-0,028	-0,017	0,121
	Вербальный интеллект	0,044	-0,054	0,186	0,229*

Примечание: * – $p < 0,5$; ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$. ЛФР – Личностные факторы принятия решений; НТН – Новый опросник толерантности к неопределенности; КОБП – краткий опросник большой пятерки.

Во втором параграфе «Исследование 2. Апробация опросника “Тенденции в принятии решений”» – ТПР (Misuraca et al., 2015a) выдвигаются основания выделения стилей принятия решений – максимизации (стратегия максимально полного поиска и анализа альтернатив), минимизации и сатисфизации (эвристическая стратегия поиска, экономящая усилия за счет выделения критериев завершения анализа до истощения всех альтернатив). Включение данных стилей в исследование обусловлено возможностью выделения эвристического стиля, представленного «сатисфизацией». При этом «максимизация» может связываться с рациональностью как склонностью к кропотливому анализу; а сатисфизация – с интуицией. Таким образом, с помощью этого опросника можно выделить еще один аспект стилевой регуляции ПР, критериями которого являются глубина анализа и степень затрачиваемых усилий.

Опросник апробирован на *выборке* $N = 423$ ($M_{\text{возр.}} = 25$; $SD = 9,6$); из них 145 мужчин; 285 – студенты, 138 – работающие взрослые с высшим или средним специальным образованием. Для выявления его конвергентной валидности использовались указанные выше опросники «Рациональный – Опытный», НТН, КОБП и ЛФР, а также опросник Баднера для диагностики толерантности и интолерантности к неопределенности (Корнилова, Чумакова, 2014) и Мельбурнский опросник принятия решений – МОПР, измеряющий копинги при принятии решений (Корнилова, 2013а).

Результаты исследования 2

1. Подтвердилась трехфакторная структура опросника «Тенденции в принятии решений» (шкалы – максимизация, сатисфизация и минимизация); модель конфирматорного факторного анализа показала хорошее соответствие данным ($SB\chi^2 = 311,51$; $df = 167$; $p < 0,001$; $CFI = 0,922$; $RMSEA = 0,048$). Шкалы показали высокую внутреннюю согласованность по коэффициенту α Кронбаха ($> 0,7$).

2. Различий по фактору пола не обнаружено; возраст значимо связан со шкалами максимизации ($\rho = -0,37$; $p < 0,001$) и сатисфизации ($\rho = -0,36$; $p < 0,001$). Установлены также различия по критерию Краскела-Уоллиса между

группами, выделенными по уровню образования и по специальности. По уровню образования сравнивались группы студентов, участников с высшим и средним образованием (максимизация – $\chi^2(2) = 55,67$; $p < 0,001$; минимизация – $\chi^2(2) = 13,31$; $p < 0,01$; сатисфизация – $\chi^2(2) = 63,76$; $p < 0,001$). Уточнение этих различий позволило установить, что лица с высшим образованием значимо чаще используют стиль сатисфизации по сравнению с работающими взрослыми со средним образованием, последние предпочитают минимизировать усилия. Среди студентов максимизацию и сатисфизацию чаще всего применяют студенты медицинских и технических специальностей, а студенты гуманитарных специальностей предпочитают минимизацию.

3. Выявлены значимые связи стилей принятия решений с личностными шкалами (табл. 3). Участники исследования с большей *максимизацией* – то есть, тенденцией к обдумыванию решений, – характеризуются также повышенной *субъективной рациональностью* и *рационально-аналитическим стилем*, *интуитивными способностями* (компонент интуитивно-опытного стиля), *готовностью к риску*, *толерантностью к неопределенности*, *бдительностью*, *добросовестностью* и *открытостью опыту*; у них ниже *межличностная интолерантность к неопределенности* и непродуктивные копинги *избегание* и *прокрастинация*. Лица с выраженной тенденцией к эвристическому поиску (шкала *сатисфизации*) характеризуются более высокими *рациональностью*, *толерантностью к неопределенности*, продуктивным копингом *бдительность*, *открытостью опыту* и *добросовестностью* и меньшим избеганием. Снижение усилий при ПР (предпочтение стиля *минимизации*) характерно для респондентов с большим предпочтением непродуктивных копингов и стилей совладания с неопределенностью (*интолерантностью к неопределенности*, *избеганием*, *прокрастинацией*, *сверхбдительностью*) и меньшей выраженностью *рационально-аналитического стиля*, а также *добросовестности* и *открытости опыту*.

Таблица 3.

Значимые связи между стилями принятия решений и личностными шкалами (р Спирмена)

Опросник	Шкалы	Максимизация	Минимизация	Сатисфизация
Опросник	Использование интуиции	0,130	0,011	0,094
Эпстайна (стили)	Интуитивные способности	0,241**	-0,104	0,133
	Использование рациональности	0,237**	-0,340**	0,297**
	Способности к рациональным решениям	0,166*	-0,204*	0,185*
ЛФР (свойства)	Готовность к риску	0,225*	-0,179	0,140
	Рациональность	0,262**	-0,050	0,175
НТН	Толерантность к неопределенности (ТН)	0,398**	-0,292	0,454**
	Интолерантность к неопределенности (ИТН)	-0,053	0,029	0,262
	Межличностная ИТН	-0,302*	0,176	0,035
Опросник Баднера	ТН	-0,049	-0,047	0,081
	ИТН	-0,064	0,276**	-0,043
МОПР (стили как копинги)	Бдительность	0,296**	-0,170*	0,253**
	Избегание	-0,393**	0,420**	-0,244**
	Прокрастинация	-0,343**	0,360**	-0,139
	Сверхбдительность	-0,059	0,183*	-0,003
КОБП (черты Большой пятерки)	Экстраверсия	0,100	-0,111	-0,083
	Согласие	0,031	-0,128	-0,041
	Добросовестность	0,453**	-0,409**	0,198*
	Эмоциональная стабильность	0,075	-0,076	0,021
	Открытость опыту	0,268**	-0,194*	0,196*

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$. ЛФР – Личностные факторы принятия решений; НТН – Новый опросник толерантности к неопределенности; МОПР – Мельбурнский опросник принятия решений; КОБП – Краткий опросник большой пятерки.

Выводы по главе 2

1. В результате исследований 1–2 апробированы опросники, позволяющие диагностировать стили принятия решений – интуицию и рациональность, а также максимизацию, сатисфизацию и минимизацию (стили, выделяющиеся по критерию усилия, прилагаемого к поиску альтернатив, и направленности на информированность в принятии решений).

2. Компоненты *интуитивно-опытного* и *рационально-аналитического* стилей и *субъективная рациональность* как личностное свойство по-разному связаны со стилями принятия решений, выделяемых по критерию усилия. Использование *максимизации* связано с повышением как рационального, так и

интуитивного личностно-стилевого компонента; *сатисфизация* же предпочитается лицами с повышенным рационально-аналитическим, но не интуитивно-опытным стилем.

3. Интуитивно-опытный и рационально-аналитический стили связаны с *готовностью к риску, рефлексивностью* и личностными характеристиками (*добросовестностью, эмоциональной стабильностью и открытостью опыту*); только рационально-аналитический стиль связан с *интеллектом* (положительно).

4. Стили принятия решений по-разному представлены у студентов, обучающихся разным профессиям, и работающих взрослых с разным уровнем образования.

Третья глава «Эмпирическое исследование интуиции и рациональности как факторов принятия решения в задачах различного типа» включает три параграфа, в которых описываются исследования личностных и индивидуально-стилевых факторов принятия решений на материале двух прогностических задач (с единичным и многоэтапным выбором). Первые два исследования, наряду с методиками диагностики отношения к неопределенности, личностных черт, субъективной рациональности и готовности к риску – как свойств личностной регуляции принятия решений, включают два адаптированных опросника, описанных выше и диагностирующих стилевую регуляцию принятия решений.

Первый параграф «Исследование 3. Интуиция, рациональность и стилевые тенденции при вынесении суждений» начинается с обоснования выбора задачи на вынесение суждений и краткой классификации когнитивных искажений при ПР. Приводится обзор теорий и эмпирически выявленных факторов подверженности фрейминг-эффекту. Обосновывается задача выявления связей между подверженностью фрейминг-эффекту, выбором вероятностных или детерминистских альтернатив и факторами личностной и стилевой регуляции ПР (рациональностью, интуицией, максимизацией, сатисфизацией, минимизацией, готовностью к риску, толерантностью к неопределенности). Выдвигаются гипотезы о положительных связях подверженности фрейминг-эффекту с интуитивным стилем и отрицательных

связях с рациональностью и стратегией максимизации; а также о связях предпочтения вероятностных альтернатив с толерантностью к неопределенности, готовностью к риску и интуицией, а предпочтения детерминистских альтернатив – с интолерантностью к неопределенности.

Для установления эффекта фрейминга использовалась задача «Эпидемия на корабле» А. Тверски и Д. Канемана. Дизайн исследования включал предъявление задачи в двух условиях варьирования позитивной и негативной формулировок – в интраиндивидуальной (каждый испытуемый получил оба варианта с интервалом в несколько недель) и межгрупповой схемах (каждому испытуемому давался один вариант формулировки). Эффект фрейминга определялся как предпочтение детерминистской альтернативы в позитивной формулировке; а вероятностной – в негативной. Наряду с задачей использовались опросники «Рациональный – Опытный», «Тенденции в принятии решений», Личностные факторы решений – ЛФР, шкала С. Баднера и Мельбурнский опросник принятия решений – МОПР.

Участники исследования: 290 человек (из них 226 женщин); $M_{\text{возр.}} = 20,87$ ($SD = 3,98$); 160 человек (55%) – студенты и аспиранты МГУ имени М.В.Ломоносова, 130 – студенты Первого МГМУ им. И.М. Сеченова.

Результаты исследования 3

1. На совокупной выборке выявлен эффект *рефрейминга*: в негативной формулировке 44% респондентов предпочитали вероятностную альтернативу, а в позитивной – 59% (рис. 1). При интраиндивидуальном предъявлении ($n = 133$) фрейминг «в чистом виде» проявился у 9% выборки; рефрейминг – у 23%; 32% выбрали вероятностные альтернативы в обеих формулировках, а 36% – детерминистские. Вероятностная альтернатива значимо чаще предпочиталась в позитивном фрейме при межгрупповом плане предъявления задачи, а при интраиндивидуальной схеме предпочиталась детерминистская альтернатива в негативном фрейме. При сравнении групп, обучающихся по разным специальностям, выявлено, что предпочтение детерминистских альтернатив при негативном фрейме выявляется только у студентов-медиков (69%, $p = 0,009$), что можно связать со спецификой их обучения и выбранной профессией, включающей взятие на себя ответственности за жизнь других людей.

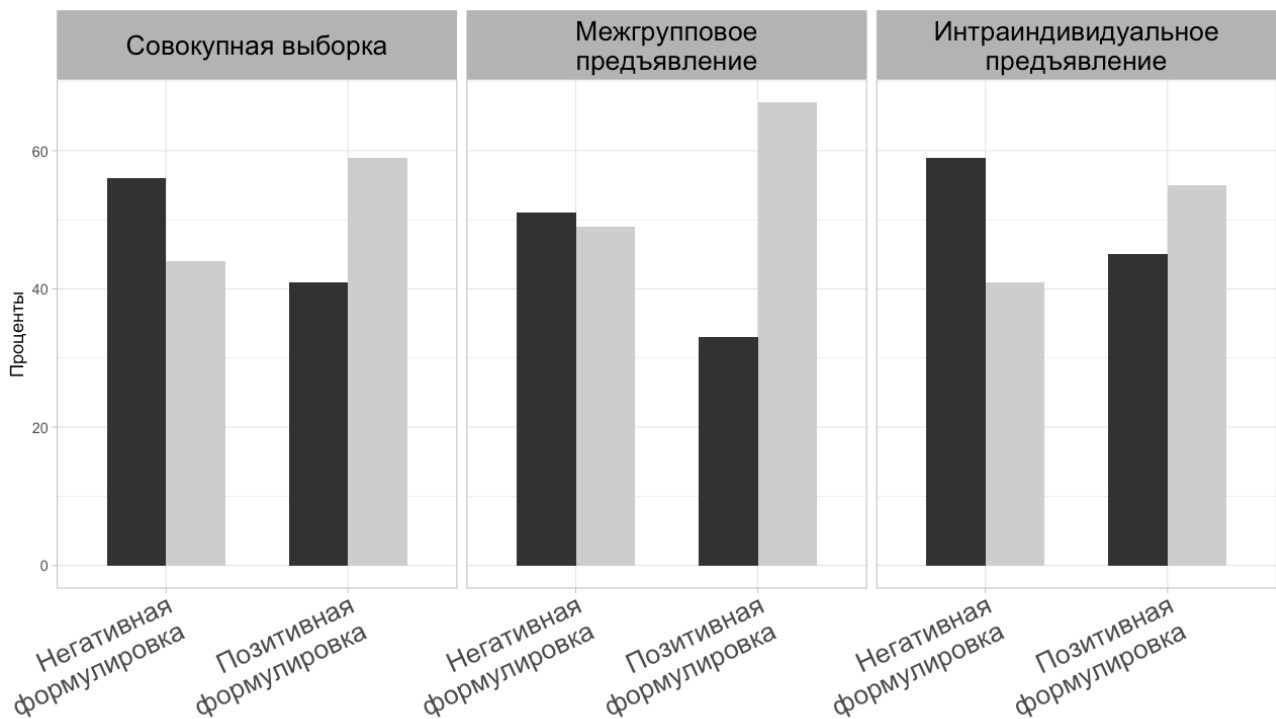

Рисунок 1. Процентное распределение детерминистских и вероятностных выборов в совокупной выборке и при разном предъявлении задачи: черный цвет – детерминистский выбор, серый – вероятностный

2. Лица с выраженной *бдительностью* более подвержены фреймингу ($p < 0,05$); а те, у кого более выражен *интуитивный стиль*, *готовность к риску* и *сатисфакция* (все $p < 0,05$), предпочитали вероятностные альтернативы. Указанные различия обнаружены у участников младше 25 лет.

3. *Интолерантность к неопределенности*, *готовность к риску* и *использование интуиции* выступили предикторами выбора в задаче (табл. 4). Испытуемые с меньшей интолерантностью к неопределенности (в подгруппе с межгрупповым планом предъявления) и большей готовностью к риску (в подгруппе с межиндивидуальным планом) реже выбирали вероятностные альтернативы; лица, меньше опиравшиеся на интуицию, больше подвержены фрейминг-эффекту.

Таким образом, по результатам исследования 3, отвергается гипотеза о меньшей подверженности эффекту фрейминга лиц с более высокой *рациональностью* и *максимизацией* при принятии решений. Наоборот, протективным фактором, ограничивающим подверженность эффекту фрейминга, выступил *интуитивный стиль*. Выявлено также, что более

интолерантные к неопределенности лица склонны к выбору детерминистской альтернативы (что соответствует их направленности на прояснение ситуации и неприятие неопределенности); а более *готовые к риску* – к выбору вероятностной. Выбирающие вероятностные альтернативы лица также отличаются более высокой *сатисфизацией* и *использованием интуиции*.

Таблица 4.

Предикторы выбора в задаче «Эпидемия на корабле»

Вариант предъявления	Зависимая переменная	Предиктор	R ² *	% ПП**	B	SE	p
Межгрупповой вариант	Предпочтение вероятностной альтернативы	Интолерантность к неопределенности	0,053	61	-0,060	0,026	0,02
	Предпочтение вероятностной альтернативы (негативная формулировка)	Готовность к риску	0,118	61	0,169	0,069	0,014
Индивидуальный вариант	Подверженность эффекту фрейминга	Использование интуиции	0,209	79	-0,303	0,145	0,037

Примечание: * – R² Найджелкерке; ** – % правильно предсказанных случаев

Во втором параграфе «Исследование 4. Связи стратегий выборов в многоэтапной прогностической задаче с личностными и стилевыми характеристиками» описываются установленные связи шкал интуиции, рациональности и стилевых тенденций (максимизации, сатисфизации и минимизации) с показателями стратегий многоэтапных решений в Игровой задаче Айова (Iowa Gambling Task).

Обсуждаются интерпретации эффектов, выявляемых в моделируемых этой задачей условиях неопределенности. С точки зрения гипотезы «соматических маркеров» А. Дамасио, эмоционально-интуитивные предвосхищения (обратная связь при выигрышах и проигрышах) происходят на уровне физиологических реакций. Ей противопоставляется гипотеза о предвосхищающей функции эмоций О.К. Тихомирова и И.А. Васильева: эмоции регулируют выбор на

стадии выдвижения гипотез для преодоления неопределенности, связанной с интеллектуальным заданием. Дается обзор связей характеристик выбора в Игровой задаче с интеллектом и рабочей памятью, когнитивными функциями, личностными характеристиками, а также профессиональной принадлежностью. Выдвигаются гипотезы о вкладе когнитивных (характеристики рабочей памяти), личностных и индивидуально-стилевых (психологическая разумность, принятие риска, интуиция, рациональность) факторов в принятие решений в Игровой задаче.

Рабочая память рассмотрена нами в контексте регуляции стратегий как показатель когнитивного компонента решения: предполагается, что те, кто эффективнее учитывает результаты своих выборов, лучше справляются с ПР в Игровой задаче. Личностные свойства *психологической разумности* связываются в наших гипотезах с более частым выбором «прибыльных» колод как показателем успешности выполнения задачи, так как они могут быть включены в становление эмоциональных прогнозов. Предполагается также, что тенденция *максимизации* усилий связана с проверкой испытуемыми большего количества гипотез – а значит, с частой сменой колод (в стратегиях Игровой задачи); *сатисфизация* может сопутствовать большей эффективности ПР; а *минимизация* – предпочтению «рискованных» колод, кажущихся более прибыльными с первого взгляда.

В исследовании использовались две компьютеризованные методики – Игровая задача (в адаптации Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова) и задача n-back в версии М. Кейна (Kane et al., 2007). При анализе показателей ПР в Игровой задаче выделялись 3 типа стратегий: а) «рискованная» – к концу задания увеличивается частота выбора «опасных» колод, дающих частые выигрыши, но еще большие проигрыши через какое-то время; б) безопасная – предпочитают прибыльные колоды, дающие меньший выигрыш, но и меньший проигрыш; в) сбалансированная (нет предпочтения в выборах обоих типов колод).

При анализе результатов, полученных в задаче на рабочую память n-back, выделялись переменные скорости реакции и точности распознавания разных типов стимулов – целевых и «ловушек» – в разных условиях предъявления: «2-назад» и «3-назад» (рис. 2).

Рисунок 2. Схематическое отображение потока стимулов в задаче n-back с указанием их типа

Также в исследовании использовались следующие опросники: ЛФР (Корнилова, 2003); Рефлексивности (Карпов, 2003); Шкалы психологической разумности (Новикова, Корнилова, 2014).

Участники исследования: N = 101 (76 женщин); $M_{\text{возр.}} = 23,91$ (SD = 7,12); студенты московских вузов и работающие взрослые (15,8%).

Результаты исследования 4

1. Установлены связи эффективности принятия решений в Игровой задаче с рабочей памятью на первых этапах ее выполнения (табл. 5), т.е. в условиях максимальной неопределенности. Большая часть полученных связей касалась стимулов-«ловушек» – т.е., стимулов, которые провоцировали неправильный выбор (пропуск или ложную тревогу). Участники, правильно отвергавшие шумовые стимулы-ловушки в условии «2-назад», меньше выбирали прибыльные колоды в 1-ом и 2-м блоках Игровой задачи (т.е. в первых 40 пробах из 100). Участники, лучше распознававшие ключевые стимулы-ловушки в условии «2-назад», реже выбирали прибыльные колоды в 3-м блоке и реже меняли колоду после проигрыша в 1-ом блоке. При этом участники, медленнее выполнявшие задачу n-back, чаще выбирали прибыльные колоды уже в 1-ом блоке.

Таблица 5.

Связи между характеристиками выборов в Игровой задаче и показателями выполнения задачи n-back (р Спирмана)

Показатели выполнения задач	Среднее ВР – контроль – 2-назад	Среднее ВР – «ловушки» – 2-назад	Правильные попадания – «ловушки» – 2-назад	Правильные отвержения – «ловушки» – 2-назад	Смещение – «ловушки» – 2-назад	Чувствительность – «ловушки» – 2-назад
Предпочтение прибыльных колод в блоке 1	0,41*	0,48*	-0,16	-0,48**	0,36	-0,35
Предпочтение прибыльных колод в блоке 2	0,14	0,20	-0,12	-0,41*	0,23	-0,25
Предпочтение прибыльных колод в блоке 3	0,18	0,21	-0,40*	-0,10	0,35	-0,34
Стратегия (к)	-0,26	-0,31	-0,05	0,41*	-0,18	0,19
Смена колод в блоке 1	0,11	0,04	-0,50**	-0,28	0,54**	-0,53**

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

2. Выявлены связи между характеристиками эффективных выборов в Игровой задаче – показателями количества смен колод, предпочтением прибыльных колод – и личностно-стилевыми переменными. Лица с предпочтением стиля *минимизации* и большей *открытостью изменениям* (шкала «психологической разумности») реже меняли колоды после проигрыша, что можно рассматривать как меньшую активность при проверке гипотез о характеристиках альтернатив. Рефлексивные лица реже меняли колоды в 1-м блоке, т.е. при максимальных условиях неопределенности, но чаще – в 3-м. Более готовые к рискованным решениям лица реже выбирали неочевидно прибыльные колоды; а лица с более высокими показателями «психологической разумности» – чаще.

3. Показаны различия между группами лиц, выделенными по стратегиям принятия решений в Игровой задаче: продемонстрировавшие рискованные стратегии участники имели значимо большие показатели *интуитивной способности*; участники со взвешенной стратегии – более высокую *готовность*

к риску, а с безопасной стратегией – более высокие рациональность и субъективную доступность собственного опыта.

4. Интуитивные способности (на уровне тенденции), готовность к риску, субъективная рациональность и доступность субъективных переживаний выступили предикторами стратегий, выявленных в Игровой задаче (логистическая регрессия, метод условного включения переменных) (табл. 6).

Таблица 6.

Предикторы стратегий в Игровой задаче

Зависимая переменная	Предиктор	R ²	% ПП	B	SE	p
Безопасная стратегия	Рациональность	0,223	70	0,247	0,097	0,011
	Интуитивная способность	0,094	66	-0,085	0,044	0,054
	Доступность субъективных переживаний	0,17	59	0,302	0,130	0,02

Примечание: R² – R² Найджелкерке; % ПП – % правильно предсказанных случаев

5. Согласно результатам регрессионного анализа (линейная регрессия, метод пошагового отбора), предикторами промежуточных показателей выполнения Игровой задачи выступили *готовность к риску* (блок 2: R² = 0,134; F = 5,871; β = -0,366; p < 0,05; блок 3: R² = 0,136; F = 6,003; β = -0,369; p < 0,05) и *доступность субъективных переживаний* (блок 2: R² = 0,126; F = 6,639; β = 0,355; p < 0,05; блок 3: R² = 0,188; F = 10,627; β = 0,433; p < 0,01).

Для блоков 1–2 предикторами выступили также показатели рабочей памяти: для блока 1 – чувствительность к ловушкам в условии «2-назад» (R² = 0,21; F = 6,79; β = -0,455; p < 0,05); для блока 2 – чувствительность к ловушкам в условии «3-назад» (R² = 0,14; F = 4,37; β = 0,379; p < 0,05).

Результаты исследования 4 показали, что *рабочая память* (по задаче n-back) связана с начальными этапами прохождения Игровой задачи; более выраженный компонент *ингибции* (выражающийся в избегании ловушек – стимулов, похожих на целевые стимулы) приводит испытуемых к более частым

рискам (возможно, из-за подавления реакции на проигрыши); а большой объем и лучшее обновление рабочей памяти, выявляющиеся в условии «3-назад» – к ранней идентификации прибыльных колод.

Наряду с ролью когнитивного компонента выявлен вклад в ПР личностных факторов – *доступности субъективных переживаний* и *готовности к риску* (компонент ориентировки на эмоции) и личностно-стилевых (сатисфизации и интуитивно-опытного стиля, а также субъективной рациональности). С личностными и стилевыми факторами связаны и динамические характеристики выбора: так, снижение поисковой активности у испытуемых, склонных к минимизации, и у более рефлексивных позволяет предположить, что первые отказываются от построения и проверки гипотез о колодах; вторые же демонстрируют более длительный период проверки, начальный этап которого – более доскональный анализ возможностей каждой колоды.

В третьем параграфе «Исследование 5. Связь стратегий в многоэтапной прогностической задаче и выбора в задаче на вынесение суждения» выдвигается предположение о том, что предпочтения субъекта при ПР достаточно интегрированы, поскольку в разных типах задач проявляется регулятивная роль одних и тех же свойств. Таким образом, на основании проявления в обеих задачах общих личностных и стилевых факторов, можно предполагать значимые связи между стратегиями решения прогностической задачи и предпочтениями ПР в задаче на вынесение суждений.

Участники исследования: N=21 (66% – женщины); возраст: 19–25 лет ($M_{\text{возр.}} = 21,24$; $SD=2,8$); все – студенты. Все проходили Игровую задачу и получали один из вариантов задачи «Эпидемия на корабле».

Результаты исследования 5

1. Установлена связь подверженности эффекту фрейминга при вынесении суждений и стратегий ПР в Игровой задаче (критерий Крамера: $v = 0,523$; $p = 0,057$ – значима на уровне тенденции): подверженные фрейминг-эффекту участники чаще выбирали рискованную и сбалансированную стратегии, не подверженные – рискованную и безопасную.

2. При сравнения групп (критерий Манна-Уитни) выявлено, что участники, предпочитавшие вероятностные альтернативы в задаче «Эпидемия на корабле», чаще выбирали прибыльные колоды в Игровой задаче (для общего показателя – $U = 26$; $p < 0,01$; для показателя в блоке 4 – $U = 10,5$; $p < 0,05$).

3. Регрессионный анализ (логистическая регрессия, метод условного включения переменных) показал, что предпочтение прибыльных колод в блоке 4 выступило предиктором выбора вероятностной альтернативы в задаче «Эпидемия на корабле» (R^2 Найджелкерке – 0,45; 91% правильных предсказаний; $B = 0,25$; $SE = 0,11$; $p < 0,05$).

Таким образом, установлены общие характеристики ПР в двух типах прогностических задач: рациональность (понимаемая как характеристика стратегий выбора и выражающаяся в неподверженности эффекту фрейминга и предпочтении прибыльных колод) и ориентировка на вероятности (выбор вероятностных альтернатив и лучшее понимание вероятностных правил, лежащих в основе задачи с многоэтапным выбором). Выявленные связи между показателями выбора в прогностических задачах с единичным и многоэтапным выбором и стилевыми, личностными и когнитивными факторами ПР представлены на рис. 2. Схема носит обобщающий характер; в ее основе лежат результаты регрессионного анализа, проведенного в рамках диссертационного исследования.

Рисунок 2. Значимые связи личностных, стилевых и когнитивных показателей со стратегиями выбора в прогностических задачах (сводная схема по результатам регрессионного анализа)

Примечание: красный цвет линий – положительные связи, синий – отрицательные; серый цвет фона – показатели, измерявшиеся только в одном из исследований.

По результатам исследований сделаны следующие **выводы**:

1. Два аспекта *рациональности* – личностный и индивидуально-стилевой – положительно связаны между собой. Лица с *рационально-аналитическим* стилем более *открыты новому опыту, рефлексивны, толерантны к неопределенности*, склонны к *максимизации* усилий при принятии решений и предпочитают эвристические стратегии.

2. Большая выраженность *интуитивно-опытного* стиля характеризует лиц с большей *готовностью к риску*, со стилем *максимизации* усилий при принятии решений, а также с большей выраженностью черт *согласие* и *открытость опыту* и меньшей – *добросовестности*. В отличие от *рациональности*, *интуитивно-опытный* стиль не связан с *толерантностью к неопределенности* и характеризует лиц с меньшей *рефлексивностью*.

3. Связи стилевых тенденций *максимизации* и *сатисфизации* с *субъективной рациональностью* и *рационально-аналитическим стилем*, *толерантностью к неопределенности*, *копингом* *бдительность* и *открытостью новому опыту* свидетельствуют об их эффективной роли в совладании с неопределенностью при принятии решений. Это отличает их от *минимизации*, связанной с *интолерантностью к неопределенности* и непродуктивными стилями совладания (*избеганием*, *прокрастинацией*, *сверхбдительностью*).

4. Подверженные *фрейминг-эффекту* лица менее интуитивны (но не рациональны), а также более бдительны, что может трактоваться как осторожность при принятии решений.

5. Вероятностные альтернативы предпочитают лица со сниженной *интолерантностью к неопределенности* и повышенной *готовностью к риску*, *интуитивным стилем* и *сатисфизацией*.

6. Лица, склонные к *минимизации* усилий, проявляют меньшую активность в середине выполнения прогностической задачи с многоэтапными выборами.

7. *Готовность к риску*, *субъективная рациональность* и *интуитивно-опытный стиль* связаны с разными стратегиями принятия многоэтапных решений: *рациональность* выше у лиц, реализующих безопасные стратегии; *интуитивная способность* – у реализующих рискованные стратегии; а *готовность к риску* – у реализующих сбалансированные стратегии.

8. *Рабочая память* связана с показателями принятия решений в многоэтапной прогностической задаче на первых ее этапах, т.е. при максимальной неопределенности условий, но не определяет характеристик стратегий по мере снижения неопределенности ситуации.

9. Понимание своих эмоциональных переживаний (по шкале *доступности субъективного опыта*) позволяет делать более эффективные прогнозы (лучше выявлять выигрышные и проигрышные закономерности), что демонстрирует роль эмоциональной регуляции в принятии решений.

10. Лица с большей *готовностью к риску* предпочитают вероятностные альтернативы в задаче с единичным выбором (на фрейминг); но в задаче с многоэтапными выборами реализуют *взвешенные* (а не рискованные) стратегии. Таким образом, готовность к риску связывается с *ориентировкой на вероятности*, которая может позволять успешно преодолевать ситуации неопределенности.

11. Решение задач разных типов опосредовано общей системой когнитивной, личностной и индивидуально-стилевой регуляции, что проявляется в связях между характеристиками их решений. Подверженные фрейминг-эффекту лица предпочитают *рискованную* стратегию в многоэтапной прогностической задаче; те же, кто проявляет в ней лучшую ориентировку и понимание вероятностных закономерностей, чаще выбирают вероятностные альтернативы.

В **заключении** сопоставляются основные результаты проведенных исследований в контексте их целей, гипотез и других имеющихся данных; приводятся перспективы дальнейших исследований в рамках данного направления.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в 6 публикациях автора (общий объем – 5,3 п.л.; авторский вклад – 2,76 п.л.).

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в Web of Science, Scopus, RSCI, а также в изданиях из перечня рекомендованных Минобрнауки РФ, утвержденных Ученым советом МГУ для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии:

1. Разваляева, А.Ю. Апробация опросника Тенденции в принятии решений на русскоязычной выборке / А.Ю. Разваляева // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 146–163. – 1,03 п.л. [WoS; ИФ РИНЦ = 1].

2. Разваляева, А.Ю. Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) / И.И. Каменев, Т.В. Корнилова, А.Ю. Разваляева // Вопросы психологии. – 2018. – № 1. – С. 127–137. – 0,96 п.л. / 0,32 п.л. [Scopus SJR = 0,17; IF WoS = 0,516].

3. Разваляева, А.Ю. Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна Рациональный-Опытный (Rational-Experiental Inventory) / Т.В. Корнилова, А.Ю. Разваляева // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. – № 3. – С. 92–107. – 1,33 п.л. / 0,66 п.л. [Scopus SJR = 0,207; IF WoS = 0,595].

4. Разваляева, А.Ю. Связь фрейминг-эффекта с индивидуальными различиями у студентов-медиков и студентов-психологов / Т.В. Корнилова, Е.М. Павлова, Ю.В. Красавцева, А.Ю. Разваляева // Национальный психологический журнал. – 2017. – Т. 28. – № 4. – С. 17–29. – 1,53 п.л. / 0,3 п.л. [ИФ РИНЦ = 1,365].

Научные публикации в других изданиях:

5. Разваляева, А.Ю. Стратегии принятия решений в игровой задаче Айова-тест / А.Ю. Разваляева // Материалы VI международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». 19–20 ноября 2015 года, Москва. М.: Институт психологии РАН, 2015. – С. 382–385. – 0,23 п.л.

6. Разваляева, А.Ю. Эмоциональный интеллект в регуляции личностного выбора в учебных ситуациях / А.Ю. Разваляева // Обучение и развитие: современная теория и практика: Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Т. 1. – М.: Левъ, 2015. – С. 543-546. – 0,22 п.л.